

ВОСПОМИНАНІЯ О ЗАСЕЛЕНІИ АМУРА

въ 1857—1858 гг.

II ¹⁾.

Въ половинѣ іюля, т. е. черезъ шесть недѣль послѣ нашего водворенія на устьяхъ Зеи, начали прибывать переселенцы. Впереди плыла бурейнская сотня, которая должна была водвориться въ трехъ пунктахъ: на устьѣ Буреи, у входа Амура въ Хинганскія горы и въ какой нибудь промежуточной точкѣ между этими двумя стратегически важными мѣстностями. Такъ какъ не оставалось болѣе сомнѣнія, что и остальные переселенцы, именно устьейская сотня, должны скоро прибыть на мѣсто своего водворенія, то генераль-губернаторъ рѣшился немедленно возвратиться въ Иркутскъ. Меня же онъ послалъ осмотрѣть поселенія внизъ отъ Буреи, которыхъ самъ посѣтить не имѣлъ уже времени, а на возвратномъ пути оттуда въ Иркутскъ я долженъ былъ сдѣлать подобный же осмотръ и съемку мѣстностей во всѣхъ остальныхъ, возникшихъ въ 1857 году, станицахъ. Такимъ образомъ мы разстались на время. Я, съ четырьмя солдатами въ видѣ гребцовъ, отправился на небольшой лодкѣ, и черезъ два дни былъ на устьѣ Буреи, около того мѣста, гдѣ стоитъ теперешняя станица Скобельцина. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что чрезвычайно удобный для основанія поселка, покрытый дубравою холмъ, на которомъ нынѣ стоитъ это селеніе, не имѣетъ и признаковъ, чтобы на немъ или около него водворялись русскіе!... Встрѣтившіеся манегры, однако, разъяс-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., т. XXIV, стр. 81—112.

нили въ чемъ дѣло: селеніе наше возникало не на устьѣ Буреи, а въ 26-ти верстахъ ниже оттуда. Туда я и отправился, держась неизмѣнно лѣваго берега Амура, чтобы не пропустить возникшей колоніи, такъ какъ, съ одной стороны, манеры объяснили, что постройка возводится въ лѣсу, нѣсколько въ сторонѣ отъ берега, а съ другой—карта показывала, что тутъ есть острова, за которыми легко было бы не замѣтить ни построекъ, ни стоявшихъ у берега судовъ, если бы плыть по большому руслу.

Къ счастью, оказалось, что селеніе возникало въ такомъ мѣстѣ, гдѣ на Амурѣ нѣтъ острововъ. Рѣка течетъ тутъ однимъ русломъ и дѣлаетъ поворотъ, такъ что изъ построенной въ вершинѣ угла станицы открывается широкій видъ на оба волна, верховое и низовое. Съ эстетической точки зрѣнія, мѣсто было выбрано удачно; но озерца, попадавшіяся въ окрестномъ лѣсу и очевидно принадлежавшія къ такъ называемымъ старицамъ, т. е. остаткамъ прежняго русла Амура, заставляли опасаться, что мѣсто, выбранное подъ селеніе, низко и если не будетъ совершенно затопляемо во время полноводій, то легко можетъ обратиться въ болотистый островъ. Хилковскій котораго я тутъ встрѣтилъ, былъ увѣренъ однако же въ противномъ, и я не знаю теперь, что въ дѣйствительности оправдалось: его ли оптимистическія предвидѣнія или мои, нѣсколько скептическія. На спросъ мой, отъ имени генераль-губернатора: почему не возникло селенія на устьяхъ Буреи?—Хилковскій объяснилъ, что тамъ мало мѣста для ста дворовъ; оставлять же тамъ 25 семей, для которыхъ холмъ былъ достаточенъ, онъ не рѣшился, потому что это значило бы вмѣсто трехъ предположенныхъ деревень расселить буреинскую сотню въ четырехъ, на что у него не было инструкцій.

Пробывъ въ Нижнебуреинской или, какъ потомъ она была названа, Иннокентьевской станицѣ (въ честь перваго амурскаго архіерея, теперешняго московскаго митрополита, Иннокентія) около сутокъ, я отправился далѣе внизъ по Амуру. Окружающая его равнина, начавшаяся отъ самаго устья Зеи, была здѣсь еще роскошнѣе, чѣмъ въ окрестностяхъ Айгуна. Я совершенно понималъ, почему казаки-переселенцы, когда спрашивали ихъ желанія относительно мѣста водворенія, всѣ желали на Бурею. Такихъ великолѣпныхъ угодьевъ для хозяина-земледѣльца, какъ между Зеею и Хинганомъ, мало въ цѣлой Россіи, а въ Сибири

и совѣмъ нѣтъ. Особенно привлекательны мѣстности, сосѣднія Хингану. Когда я прибылъ въ станицу Хинганскую, теперь Пашкову, у входа Амура въ «щеки», т. е. въ ущелье, то довольство свое судьбою у мѣстныхъ казаковъ-поселенцевъ бросалось въ глаза. Они, только что прибывшіе, не упустили случая посадить нѣсколько овощей, которые надѣялись собрать осенью, потому что климатъ тутъ теплый, особенно по сравненію съ Даурскимъ нагорьемъ. Дубъ, вязъ, красная береза—служили строевымъ матеріаломъ для домовъ, живописно располагавшихся на возвышенномъ берегу рѣки, и работа по основанію колоніи кипѣла.

Недурень былъ также небольшой поселокъ, возникавшій въ пространствѣ между Хинганомъ и Инноентьевскою станицею, у Халтана. Такъ какъ здѣсь берега Амура вообще невысоки, то за признакъ пригодности мѣста подъ селеніе было принято то обстоятельство, что тутъ уже жилъ одинокій китайскій фермеръ, обрабатывавшій поля и державшій скотъ. Я вступилъ, правда, при посредствѣ очень дурнаго переводчика, въ бесѣду съ этимъ пионеромъ китайской культуры на берегахъ Амура и немедленно узналъ, что онъ—сдонецъ, т. е. тунгузъ, а не витеецъ, и сосланъ на свое теперешнее мѣсто изъ-подъ Цицикара, куда, впрочемъ, не желалъ возвращаться, потому что и здѣсь было хорошо. Въ самомъ дѣлѣ, ферма его показывала довольство. Онъ, очевидно, былъ не только хлѣбопашецъ и, разумѣется, рыбакъ, но и торгашъ, скупавшій у разбросанныхъ по окрестностямъ мангровъ шкурки соболей, которыя потомъ перепродавалъ китайскимъ купцамъ, наѣзжавшимъ по временамъ изъ Айгуна. Водвореніе въ сосѣдствѣ нашихъ казаковъ сильно пугало его. Онъ чувствовалъ, что время господства его надъ сосѣдними дикарями прошло, и хотя на первое время не могъ пожаловаться на убытки, продавая въ тридорога произведенія своего хозяйства нежеланнымъ сосѣдямъ, но видѣлъ, что этому счастью скоро настанетъ конецъ. Я спросилъ его: отчего китайцы не заселили сосѣднихъ мѣстностей ранѣе насъ? — «А оттого, что они были глухи»,—коротко отвѣтилъ даурскій пустынный. «Вотъ если бы здѣсь были наши деревни, какъ около Айгуна, вы бы, урусы, не пришли сюда селиться... А что, скажите, джангинъ (господинъ, чиновникъ),—продолжалъ онъ: насъ выгонять отсюда, т. е. съ лѣваго берега Амура, или позволять остаться? Вѣдь я не стану и полей засѣвать, если

мнѣ въ будущемъ году предстоитъ убраться изъ этого дома». — Я спросилъ его: а что тебѣ говорилъ мѣстный русскій начальникъ? «Онъ совѣтовалъ оставаться здѣсь, говоря, что вы, русскіе, нивого не хотите прогнать». — Ну, такъ и оставайся спокойно. Старики просіялъ и принесъ мнѣ курицу, за которую я далъ ему полтинникъ, чѣмъ онъ, очевидно, былъ удивленъ, потому что китайскіе чиновники и солдаты, когда имъ приходилось посѣщать его ферму, брали все даромъ. Онъ вѣдь былъ земледѣлецъ—ссылъный, одинъ изъ тѣхъ, которымъ жизнь внѣ тюрьмы тѣмъ и была обусловлена, чтобы они обрабатывали землю и доставляли вмѣсто подати хлѣбъ на содержаніе солдатъ.

Разговоръ съ солонкомъ, при всей его незначительности, произвелъ на меня впечатлѣніе. А что, въ самомъ дѣлѣ, думалъ я, если бы китайцы заселили все теченіе Амура хоть такъ, какъ окрестности Айгуна, то есть въ двѣ линіи прибрежныхъ селеній, оставляя внутренность страны пустою? Вѣдь о «возсоединеніи» потеряннаго нами въ 1689 году не могло бы быть и рѣчи. А затѣмъ, что же бы могло быть создано изъ Сибири даже въ теченіе вѣковъ? Ничего, кромѣ мѣста ссылки, которое навсегда осталось бы внѣ всякаго историческаго движенія. Вѣдь не изъ портовъ же Охотскаго моря сносились бы мы съ южною Азіей, съ Китаемъ, съ Америкой... Разумѣется, при этомъ я удивлялся «глуности» китайцевъ, такъ вѣрно названной своимъ именемъ со стороны моего собесѣдника, и не сомнѣвался ни минуты, что мы, представители цивилизаціи Запада, ничего подобнаго не повторимъ, что черезъ 10—15 лѣтъ по Амуру протянется «золотая цѣпь цвѣтущихъ колоній», какъ выражался одинъ изъ академическихъ профессоровъ, любившій высокій слогъ, И. П. Шульгинъ... *Et gate humanum est!*...

Возвратясь съ Хингана на Бурею, т. е. въ Иннокентьевскую, я передалъ Хилковскому выраженіе неудовольствія генераль-губернатора на медленность сплава колонистовъ, сдѣлавшую очевидно невозможнымъ «удобное» водвореніе ихъ на новыхъ мѣстахъ въ текущемъ году, и приказаніе ему самому остаться на Амурѣ на-зиму... Это, конечно, огорчило его; но, по видимому, онъ былъ уже предупрежденъ о своей участи, а равно и извѣщенъ о томъ, что Н. Н. Муравьевъ, принимая на Усть-Зеѣ тамонныхъ колонистовъ, наконецъ прибывшихъ туда послѣ моего

отъѣзда, произнесъ передъ ними рѣчь, не очень лестную для него, Хилковскаго.... Какъ быть! не всѣ находили на Амурѣ обыванную землю, въ которой осуществлялись надежды на быструю карьеру... Я забылъ еще сказать, что даже М. С. Корсаковъ, забайкальскій губернаторъ, родственникъ и любимецъ генераль-губернатора, получилъ отъ него, еще до отъѣзда моего съ Зеи бумагу такого содержанія, что потомъ спрашивалъ меня: «а что, Николай Николаевичъ очень на меня сердился?» Бумага была на бланкѣ, за №, а не простое письмо, такъ что, по справедливости, спуску никому не было.

При обратномъ плаваніи съ Буреи на Зею, я держался суши, такъ что собственно плыла одна моя лодка, я же, съ топографомъ и однимъ солдатомъ, у котораго былъ въ рукахъ топоръ, шель берегомъ и даже большею частію вдали отъ рѣки, чтобы отыскать и намѣтить дорогу, которая была бы короче, чѣмъ вдоль по Амuru, который въ этихъ мѣстахъ дѣлаетъ многочисленныя извилины. Путь по высокой травѣ, выше человѣческаго роста, и по лѣсной чащѣ утомлялъ до послѣдней степени; жажда и голодъ мучили, и въ довершеніе всего, приходя на ночлегъ въ мѣсту, гдѣ, по условію, дожидала меня лодка, я не находилъ спокойствія отъ комаровъ, которые не давали спать всю ночь. Четверо сутокъ продолжалось подобное мученіе; наконецъ, мы завидѣли китайскія деревни, предшествующія Айгуну, и могли нѣсколько успокоиться. Здѣсь дорога была уже проторена, можно было плыть, хотя комары и слѣпни такъ же свирѣпо нападали на насъ въ лодкѣ, какъ и на берегу.

На Усть-Зеѣ, разумѣется, все обстояло благополучно, какъ сочли нужнымъ сообщить мнѣ мѣстныя власти для доклада генераль-губернатору. И въ самомъ дѣлѣ, домъ начальника отряда былъ готовъ и даже меблированъ; около него воздвигались кухни и другія *dépendances*, какъ говорятъ французы. Лагерь солдатъ зеленѣлъ издали вѣтвями тальника, выросшаго изъ стѣнъ барачковъ. На прокормленіе баталіоннаго скота было заготовлено къ зимѣ не только сѣно, но и овесъ, который покупался у китайцевъ по баснословно дешевымъ цѣнамъ, что-то 5—10 копѣекъ за пудъ. Только число казачьихъ домовъ росло медленно или, точнѣе сказать, оставалось неизмѣннымъ съ половины іюля, хотя на дворѣ былъ и августъ. Видно было, что съ отъѣздомъ генераль-губер-

натора центръ тяжести всего амурскаго дѣла на этотъ годъ перешель изъ жилищъ колонистовъ, составлявшихъ предметъ особыхъ заботъ Николая Николаевича, въ баталіонные цейхгаузы. Меня это не удивило, но всетаки разсердило, и на прощаньи съ Усть-Зеею мнѣ даже пришлось побраниться кое съ кѣмъ изъ-за устанавливавшихся тамъ порядковъ.

Нужно-ли говорить, что у стѣсненныхъ въ помѣщеніи казакъ-поселенцевъ въ слѣдующую зиму была сильная смертность, особливо между дѣтьми? Тотъ рай, о которомъ они мечтали, собираясь на Амуръ, для многихъ изъ нихъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по прибытіи туда обратился въ могилу.

На Усть-Зеѣ я надѣялся найти пароходъ, который бы могъ меня доставить вверхъ по Амуру въ гораздо кратчайшее время, чѣмъ лодка, поднимаемая бичевою. Но пароходовъ не оказалось. А нужно замѣтить, что ихъ было въ это время два: «Амуръ» и «Лена». Послѣдняя еще въ первой половинѣ іюня прибыла изъ Николаевска и немало содѣйствовала намъ въ произведеніи на китайцевъ впечатлѣнія силы, могущества Россіи. Потому она была отправлена вверхъ по рѣкѣ до Шилейнскаго завода, но ходила такъ медленно, что, по возвращеніи на Усть-Зеею, вызвала цѣлую бурю генераль-губернатора противу капитана. Послѣдній, капитанъ-лейтенантъ Сухомлинъ, былъ, вѣроятно, хорошій морякъ, но при плаваніи по рѣкѣ оказался болѣе осторожнымъ, чѣмъ позволяли обстоятельства. Онъ всякій вечеръ останавливался на якорь и стоялъ до утра; онъ плавалъ медленно, чтобы не въѣхать гдѣ нибудь на мель съ-разлета. Результатомъ было запозданіе его на Усть-Зеею и та буря, о которой я сейчасъ упомянулъ. Генераль-губернаторъ отрѣшилъ его отъ командованія пароходомъ и далъ такую гонку, что у бѣднаго Сухомлина сдѣлалась истерика и пошла горломъ кровь. Я засталъ его на Усть-Зеѣ какъ-бы въ заточеніи, въ ссылкѣ, больнымъ, желтымъ и немогшимъ говорить о генераль-губернаторѣ иначе какъ съ чувствомъ непримиримой ненависти. Очень многіе ему сочувствовали.

Что касается парохода «Амуръ» и его капитана, Болтина то они были счастливыѣ. По прибытіи изъ Николаевска на Усть-Зеею въ концѣ іюня, они были отправлены на низовья рѣки, гдѣ и плавали какъ хотѣли, безъ понужденій и гоноковъ, до самаго конца навигаціи. Но осенью и съ «Амуромъ» случился грѣхъ:

онъ сѣлъ на мель въ усурійскомъ протокѣ и, за постепенною убылью воды, долженъ былъ остаться тамъ на зимовку. Командиръ принялъ мѣры, чтобы судно его не затерло льдомъ при весеннемъ вскрытіи рѣки, т. е. онъ вбилъ кругомъ парохода нѣсколько свай. Но какъ въ усурійскомъ протокѣ жить было скучновато, то Болтинъ бросилъ свое судно и отправился въ Иркутскъ, чтобы... жениться! Дѣло устроилось какъ нельзя лучше. Черезъ недѣлю по прибытіи, онъ сдѣлалъ предложеніе лучшей иркутской красавицы, а черезъ двѣ женился. Это было совершенно по амурски. Въ Иркутскѣ вѣдь не разъ женили амурцевъ, правда — матросовъ и вочегаровъ, на совершенно незнакомыхъ имъ женщинахъ въ день или въ два, даже Великимъ постомъ. Былъ даже случай, что офицеръ просто изъ-подъ вѣнца съ молодою женою отправился на кругобайкальскую дорогу, которая тогда была не экипажною, а верховою....

Парохода «Лены», какъ я сказалъ, не было уже на Усть-Зеѣ, когда я прибылъ туда. Онъ, подъ командою штурманскаго подпоручика Моисеева, отправился снова вверхъ по Амуру и первоначально везъ Н. Н. Муравьева съ его небольшою свитою. Но гдѣ-то въ окрестностяхъ Албазина онъ сталъ на мель, и генералъ-губернаторъ, не желая медлить, отправился далѣе на лодкахъ, бичевою. На этотъ разъ даже не было ватера съ построеннымъ на немъ домикомъ, а простая лодка, на которой примостили кое-какой навѣсъ изъ досокъ или изъ лубка, подъ которымъ нельзя было стоять, а только сидѣть и лежать... На Амурѣ вообще не знали той среднеазиатской пышности, которая сдѣлалась модною со времени покоренія Ташкента; тамъ уважалось только дѣло и самоотверженная ему преданность, а мишура, фейерверки, колокольный звонъ—въ каждомъ амурцѣ способны были вызывать лишь презрѣніе и насмѣшки.

Такъ какъ на скорое возвращеніе «Лены» въ Усть-Зею не могло быть ни малѣйшей надежды, «Амуръ» же еще въ іюнѣ отправленъ былъ назадъ въ Николаевскъ, то и мнѣ предстояло сдѣлать переѣздъ, да еще въ цѣлую тысячу верстъ, бичевою. Дрянная лодчонка, которую мнѣ дали въ Усть-Зеѣ, не вмѣщала подъ своимъ лубочнымъ навѣсомъ двухъ; оттого я и топографъ, меня сопровождавшій, были до крайности стѣснены. Еще хорошо было, если мѣста ночлеговъ приходились около вновь возникав-

сихъ селеній: тогда одинъ изъ насъ уходилъ спать на берегъ, въ какой-нибудь шалашъ. Но это случалось очень рѣдко. Обыкновенно для отдыха солдатъ-гребцовъ мы останавливались тамъ, гдѣ заставала ночь, т. е. часъ десятый вечера, и пристраивались на ночлегъ какъ кто зналъ. На-утро, часа въ три, мы просыпались и шли далѣе, при чемъ на лодкѣ, въ особомъ котелѣ на глиняномъ очагѣ, варился чай, сначала для солдатъ кирпичный, потомъ для меня съ топографомъ—обыкновенный. Изъ другой провизіи у насъ было немного сушеного мяса и ячныхъ крупъ, изъ которыхъ мы варили обѣдъ, изю дня въ день одинъ и тотъ-же и поѣдаемый съ одними и тѣми же сухарями, которые не слѣдовало разсматривать въ микроскопъ, особенно тамъ, гдѣ они позеленѣли. Такъ какъ былъ августъ, и ночи становились холодными, а ни у меня, ни у топографа мѣховой одежды не было, то мы часто дрогли; но молодость, чувство свободы, сознание величія дѣла—заставляли все переносить не только безропотно, но даже безъ малѣйшей мысли о недовольствѣ... Я много работалъ потомъ, одинъ и вмѣстѣ съ другими, на разныхъ далекихъ окраинахъ Россіи, въ Небесныхъ горахъ, на Кавказѣ, въ Польшѣ; но ничего подобнаго той общей преданности дѣлу, какъ на Амурѣ,—говорю по совѣсти,—не видалъ, и если эта преданность есть залогъ успѣха дѣла, если вдохнуть ее въ сотрудниковъ есть высшее достоинство вождя, то заслуга Н. Н. Муравьева передъ Россіею неизмѣримо велика. Многіе ли бы въ состояніи были сдѣлать то, что совершилъ онъ, съ личнымъ составомъ помощниковъ до смѣшнаго малымъ, но дѣлавшимъ многое, всю мощь нервовъ и мускуловъ?

Первый же переѣздъ отъ Усть-Зей до Нарасуна, или тепешней станицы Бибиковой, около шестидесяти верстъ, мы совершили съ небольшимъ въ сутки, и по прибытіи во вновь водворявшееся селеніе немедленно занялись съемкою его окрестностей. Потомъ я осмотрѣлъ работы и разспросилъ у распоряжавшагося ими лица о планѣ дальнѣйшаго ихъ производства. Оказалось, что къ зимѣ можно выстроить лишь такое число домовъ, которое втрое меньше числа семей. Плохо! но все-же лучше, чѣмъ на Усть-Зеѣ, гдѣ одинъ домъ приходился на 4—5 семействъ. На разспросы мои о хозяйственныхъ удобствахъ мѣста водворенія переселенцы отвѣчали, что они угодами довольны, но что на

Буреѣ было-бы не въ примѣръ лучше. Кто имъ наговорилъ о Буреѣ—не знаю, но замѣчу, что на всемъ верхнемъ Амурѣ отзывъ о ней былъ тотъ же. Такая-моль сторонка, что тамъ рѣки текутъ медовою сытою, въ кисельныхъ берегахъ: бери ложку и ѣшь! Я старался разувѣрить переселенцевъ, говоря, что, конечно, на Буреѣ мѣста хорошія, много поемныхъ луговъ и проч.; но за то немало болотъ и нѣтъ такого отличнаго строеваго лѣса, какъ у нихъ. Они молчали, стало быть, вопреки пословицъ, не соглашались. На Улусѣ-Модонѣ, т. е. въ знаменитой кривулѣ, имѣющей фигуру цифры 8 или рукописнаго глаголя, та же исторія. Опять домовъ гораздо меньше, чѣмъ семей, опять толки о Буреѣ; но тутъ, для разнообразія, деревня раздѣлена на два поселка, домика въ 3—4 каждый, при чемъ одни построены на южной сторонѣ русскаго полуострова, а другіе на сѣверной, верстахъ въ трехъ отъ первыхъ. Строеваго лѣсу тутъ изобиліе; солдаты, помогавшіе казакамъ въ постройкѣ зданій, гнали изъ хвойныхъ деревьевъ смолу. Спрашиваю казаковъ: довольны-ли мѣстомъ? Отвѣчаютъ: «ничего, мѣсто просторное, только луговъ вовсе нѣтъ и пасти скота негдѣ, а въ лѣсу много звѣрья; чуть выпустишь овцу или теленка, анъ глядишь—тутъ и волкъ. Сѣно-то на зиму возили внизъ по рѣкѣ верстъ за пять, ну, а гонять туда скотъ неспособно. Да и китайцы съ караула, чтобъ имъ пусто было, не пускаютъ туда; говорятъ, самимъ луга нужны. Вы бы, ваше благородіе, приказали имъ уйти въ Айгунь. Они вѣдь знаютъ, что вы отъ генераль-губернатора, а его они смерть боятся».—Я, разумѣется, не могъ удовлетворить послѣдней просьбѣ, но утѣшалъ тѣмъ, что на будущій годъ всѣхъ китайцевъ прогонятъ съ лѣваго берега Амура, а до тѣхъ поръ совѣтовалъ жить съ ними въ дружбѣ. Казаки однако видимо не надѣялись на такую дружбу. Это вѣдь были забайкальскіе охотники, которые видѣли въ китайскихъ или, точнѣе, въ маньчжурскихъ солдатахъ соперниковъ по промыслу за бѣлкой, лисицами, соболями и др. «Вишь у ихняго джангина что напасено мѣховъ: страсть! И сами охотятся, и отъ ороchonъ скупаютъ за пустяки».

Хотя былъ вечеръ, мы не остались на Улусѣ-Модонѣ ночевать, а поднялись еще версты на четыре по Амуру. Ночь была очень сѣвжа, и какъ мы пересѣкли у Улуса-Модона тотъ кракъ, который на картахъ извѣстенъ подъ именемъ Илхури-алиня и

который нѣсколько защищаетъ призейскія мѣстности отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ, то эти вѣтры отнынѣ начали давать намъ себя чувствовать. Это большое неудобство для амурскаго паруснаго, да и всякаго другаго судоходства, что осенью, т. е. когда суда идутъ обыкновенно вверхъ по рѣкѣ, они встрѣчаютъ противный имъ, верховой, т. е. сѣверо-западный вѣтеръ. Нигдѣ нельзя поставить парусъ, чтобы облегчить работу людей, тянущихъ лодку, или даже совсѣмъ усадить ихъ въ послѣднюю. Въ довершеніе всего, рѣка тутъ становится быстрѣе отъ болѣе крутаго паденія ложа. Лодка постоянно «поетъ», бичева натянута какъ струнка и рулевому нельзя звать, потому что иначе носъ отвернетъ теченіемъ въ сторону и лодку отброситъ, а то, пожалуй, и опрокинетъ. Между Улусомъ-Модономъ и Кумарю особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи одно мѣсто, гдѣ съ праваго берега выдалась въ рѣку скала, изъ-за которой вода стремится съ большою силою. Нерѣдко у лодокъ бичева тутъ обрывается, и ихъ самихъ несетъ потомъ съ полверсты по теченію, не смотря ни на какія усилія гребцовъ. Этотъ «быкъ» (скала) и водоворотъ, около него образующійся, составляютъ, по моему мнѣнію, самое трудное мѣсто на Амурѣ для плавающихъ, впрочемъ только для низовыхъ, потому что тѣ, которые плывутъ сверху, напротивъ, только выигрываютъ отъ быстроты теченія рѣки.

На Кумарѣ, т. е., точнѣе, въ небольшой узкой долинѣ лѣваго берега Амура, противъ устья Кумары, гдѣ строилась станица Кумарская, я нашелъ командовавшаго 13-мъ баталіономъ капитана Дьяченку. Это былъ одинъ изъ наиболѣе энергическихъ дѣятелей по дѣлу заселенія Амура. Спокойный, ровный характеръ, распорядительность, умѣлость обходиться съ солдатами и казаками, съ начальствами китайскими и своими—доставили ему общее уваженіе амурцевъ. И у него въ станицѣ постройки шли живо, а число домовъ было значительнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Онъ показалъ мнѣ собственноручный приказъ Н. Н. Муравьева о времени и порядкѣ возвращенія 13-го баталіона въ Шилкинскій заводъ. Приказъ этотъ былъ написанъ на полулистѣ бумаги, и на немъ, сверхъ мѣсяца и числа, стояло: «пароходъ Лена, на мели»—вмѣсто Иркутска или такой-то станицы, т. е. вообще въ замѣнъ обозначенія мѣстности, гдѣ состоялся приказъ. «Видите, какъ у генералъ-губернатора накупѣло сердце противу моряковъ: онъ не утерпѣлъ

чтобы не прибавить словъ «на мели»,—замѣтилъ, улыбаясь, Дьяченко. «И я думаю,—продолжалъ онъ,—что если бы это не была офиціальная бумага, то Николай Николаевичъ написалъ бы «разумѣется на мели».—Я готовъ былъ раздѣлить это мнѣніе. Приказъ былъ отданъ какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ генераль-губернатору пришлось промѣнять пароходъ на лодку съ досчатымъ навѣсомъ, о которой я уже упомянулъ выше.

Плаваніе отъ Кумары до Албазина, гдѣ Амуръ часто разбивается на протоки, иногда очень мелкіе, а иногда, въ мелководіе, и совсѣмъ глухіе съ верхнихъ концовъ, было очень неприятно, тѣмъ болѣе, что дни становились все короче, и вечеромъ трудно было идти позднѣе 8-ми часовъ изъ опасенія не различить главнаго русла отъ какого нибудь рукава и попасть въ тавой, изъ котораго былъ одинъ выходъ—назадъ. Холода по ночамъ тоже донимали, такъ что единственнымъ утѣшеніемъ было отсутствіе комаровъ и слѣнней, которые быстро исчезли при началѣ свѣжей погоды. Гребцовъ мнѣ приходилось мѣнять на постахъ и селеніяхъ, и это было также немалое неудобство. Пока ихъ разыщутъ, пока они соберутся, а время уходитъ. На одномъ постѣ начальникъ, какой-то урядникъ, и вовсе было отказалъ въ гребцахъ, такъ что я долженъ былъ пострадать его арестомъ. И мнѣ говорили многіе изъ посѣщавшихъ въ то время Амуръ, что съ ними случалось то же, такъ что ѣзда, даже курьерская, не отличалась скоростью. Почему съ перваго же года водворенія русскихъ селеній на Амурѣ не были тамъ устроены хоть небольшія почтовые станціи, этого я не понималъ тогда, да не понимаю и теперь. Возка почты и курьеровъ была возложена на жителей, которыхъ это отрывало отъ работъ по устройству хозяйства и, слѣдовательно, раззоряло, а я не думаю, чтобы основывать колоніи съ перваго дня раззоренія могло быть цѣлью заботъ государства. Поправлять ихъ, и поправлять сугубыми жертвами, пришлось потомъ тому же государству. Такъ не лучше ли было съ самаго начала устранить причину раззоренія? Будь на каждомъ посту хоть по три лошади и по три человѣка, это дало бы возможность возить почту и курьеровъ—если не верхомъ, то бичевою на лодкахъ, гораздо скорѣе чѣмъ на людяхъ бичевою же. Да и немедленно были бы набиты вдоль береговъ кратчайшія тропинки отъ одного селенія къ другому, а у самой рѣки хоть какіе ни

будь бичевники. Тамъ, гдѣ бичевника на нашемъ берегу безъ работъ было сдѣлать нельзя, лошади могли бы объѣзжать скалы по самымъ уваламъ..

Впрочемъ, тайна этого неурядья довольно проста: не было денегъ. Вѣдь амурскіе расходы были въ то время еще не государственными расходами, а собственно сибирскими или даже только восточно-сибирскими. Генералъ-губернатору предоставлено было экономничать по разнымъ штатнымъ и вообще смѣтнымъ расходамъ и сдѣланныя сбереженія обращать въ «амурскій капиталъ», изъ котораго и производились расходы по амурскимъ экспедиціямъ. Очевидно, что со страны, въ которой было всего 1.000,000 населенія, большихъ экономій сдѣлать было нельзя, а отсюда естественно вытекала скупость въ расходованіи амурскаго капитала. Кажется, что весь онъ въ 1857 году состоялъ изъ 400,000 рублей, а впереди предстояли большіе экстренные расходы по колонизаціи слѣдующаго года. Вотъ и причина, что почти, даже въ самомъ зачаточномъ состояніи, учреждать было не на что. Но, впрочемъ, и тутъ, по моему мнѣнію, можно было извернуться, чтобы не разорить возникавшихъ колоній. Слѣдовало назначить высокую прогонную плату съ версты и лошади или гребца и заставлять проѣзжихъ чиновниковъ выплачивать эти прогоны, выдавая имъ таковыя изъ казны... Впрочемъ, что толковать о вчерашнемъ днѣ? прошлаго не воротить, и если я говорю здѣсь объ этомъ предметѣ, то собственно для того, чтобы объяснить, почему амурская колонизація не вышла такою блестящею, какъ можно было ожидать по естественнымъ богатствамъ страны.

На одномъ изъ промежуточныхъ пунктовъ между Кумарою и Албазиномъ мнѣ пришлось въ-очію познакомиться и съ другою причиною того же неуспѣха великаго амурскаго дѣла, причиною, быть можетъ, еще болѣе важною, чѣмъ недостатокъ денегъ. Разумѣю страшный произволъ во всемъ казачьихъ начальствѣ. Это давно извѣстно каждому образованному человѣку, что военная дисциплина хороша только во фронтѣ и въ отношеніяхъ чисто служебныхъ; тутъ исполненіе даже видимо нелѣпаго распоряженія старшаго есть безусловная необходимость. Но въ сферѣ экономической, какъ и въ умственной, деспотизмъ есть нелѣпость, ничѣмъ неизвиняемая. Между тѣмъ, что же было на Амурѣ? Вотъ одинъ сотникъ, получивъ въ свое управленіе вновь возни-

бающую станицу, селить ее не при Амурѣ, а далеко въ сторонѣ, подь горою, какъ что занятіе рыболовствомъ, самое естественное для жителя береговъ большой рѣки, становится дѣломъ весьма труднымъ, сопряженнымъ съ потерю значительнаго времени. Мало того, поселокъ свой онъ строить на болотистой почвѣ и угнилаго озерца, одной изъ «старицъ» Амура, стало быть, въ мѣстности гигиенически невыгодной. Генераль-губернаторъ дѣлаетъ ему замѣчаніе, говоритъ ему даже, что онъ поступилъ какъ азіатъ-охотникъ, которому дороже всего быть поближе къ лѣсу и къ ловушкамъ на звѣря. Но что будете дѣлать? Деревня строится, она построена тамъ, гдѣ пожелалъ сотникъ-звѣроловъ. На вопросъ мой казакамъ: довольны ли они своимъ мѣстомъ? я получаю въ отвѣтъ: «помилуйте, ваше благородіе, развѣ можно быть довольнымъ болотомъ?» Не знаю, какова была дальнѣйшая судьба этого поселка; но, вѣроятно, его перенесли, на что, конечно, требовались и время, и деньги, и трудъ, разумѣется, самихъ казаковъ.

Да мало-ли на чемъ не отзывался съ страшною невыгодою военный деспотизмъ, введенный вмѣстѣ съ казачествомъ на Амурѣ. Казакъ хочетъ развести свой огородъ, вотъ тамъ-то: нельзя! Онъ думаетъ уладить свой домъ и дворъ, вотъ такъ-то: нельзя! Онъ собирается на нѣсколько дней въ лѣсъ на охоту: нельзя! Служба требуетъ пребыванія дома. Онъ хочетъ съѣздить въ сосѣднюю станицу, чтобы повыгоднѣе продать пушнину, за которую мѣстный кулакъ — станичный начальникъ даетъ очень мало: для отлучки нужно спроситься у того же станичнаго начальника, и тотъ, разумѣется, говорить: нельзя!... Словомъ, чтобы не быть слышомъ многорѣчивымъ на эту тему, разскажу одинъ фактъ, сообщенный мнѣ въ 1868 г. въ Иркутскѣ бывшимъ начальникомъ штаба восточно-сибирскаго военного округа, Б. К. Кукелемъ, въ присутствіи по крайней мѣрѣ 20-ти человекъ. Военный губернаторъ Амурской области, г. Педашенко, однажды вздумалъ посѣтить старовѣрческія или раскольникыя селенія, возникшія на призейской равнинѣ, верстахъ въ 50-ти, во 100 отъ Амура, и нашелъ ихъ цвѣтущими уже на второй или на третій годъ существованія. «Славно вы живете, братцы,—говорилъ онъ крестьянамъ,—гораздо лучше чѣмъ казаки, даромъ что у нихъ Амуръ подь бокомъ. Отчего бы эта разница?» — «А, батюшка,

ваше превосходительство, оттого, что мы от начальства подальше... Какая горькая иронія въ этомъ простодушномъ отвѣтѣ!

Чѣмъ далѣе я подвигался вверхъ по Амуру, тѣмъ постройки въ новыхъ станицахъ были лучше, потому что вездѣ былъ вокругъ прекрасный строевой лѣсъ. Но другія хозяйственные условия представляли мало утѣшительнаго. Огородовъ было разработано мало, полей поднято еще менѣе. Впрочемъ, на верхнемъ Амурѣ озимыя поля едва-ли и теперь въ употребленіи; тамъ, какъ и въ большей части Сибири, кажется, сѣютъ только яровой хлѣбъ. Скота у поселенцевъ немного, лошадей въ особенности, хотя это были конные казаки. На послѣднее обстоятельство я невольно обратилъ вниманіе, и меня поразила при этомъ мысль: зачѣмъ это въ гористой и лѣсистой Дауріи мы водворили конницу? Употреблять ее здѣсь некуда, потому что край—пустыня, безъ всякихъ дорогъ; отправлять на службу внизъ по Амуру неудобно, а въ нѣкоторыя времена года даже просто невозможно; движеніе къ Цицикару или хоть къ Мергеню—немыслимо. Вотъ если бы конные казаки водворились на среднемъ Амурѣ, отъ Хингана до Усури, то они, вмѣстѣ съ тѣми, которые водворились между Зеею и Хинганомъ, могли бы составить хорошую кавалерію, потому что превосходныя луговая равнины въ этихъ мѣстахъ даютъ возможность держать многочисленныя табуны лошадей. Но случилось на дѣлѣ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, совершенно противное: среднеамурская низменность занята казаками пѣшими, а горная страна внизъ отъ Усть-Стрѣлки—конными.

Въ Албазинѣ я нашелъ жилые дома уже оконченными и населенными, и то же было въ поселкахъ выше его по Амуру. Число домовъ, правда, было повсюду меньше числа семей; но важно было уже то, что всѣ люди проводятъ ночи подъ кровомъ, а не на воздухѣ или въ шалапахъ, продуваемыхъ вѣтромъ. Погода становилась все холоднѣе, а ночью начинались морозцы, отъ которыхъ листь на немногочисленныхъ здѣсь нехвойныхъ деревьяхъ желтѣлъ и опадалъ. Казаки ждали болѣе глубокой осени и перваго снѣга, чтобы разойтись по лѣсамъ на охоту, а тѣмъ временемъ дѣлали загороди около домовъ, возводили кое-какія домашнія пристройки, ловили рыбу. Послѣдній промыселъ велся совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ Забайкальѣ, то-есть ставились снасти изъ простыхъ жердей съ привязанными къ

нимъ на веревочкахъ толстыми желѣзными крючками или удочками, безъ всякой приманки. И рыба ловилась: такъ ея было много! Иногда перегораживали легкими сваями какую нибудь небольшую рѣчку, впадавшую въ Амуръ, и тогда ниже изгороди, въ небольшомъ омутѣ, скоплялось множество мелкой рыбы, которую ѣли безотлагательно, тогда какъ крупныя породы, пойманныя въ самомъ Амурѣ, частію солились и шли въ прокъ. Замѣчу, что, однако, ни въ 1857, ни въ 1858 году нельзя было купить на верхнемъ Амурѣ порядочной соленой рыбы, тогда какъ на низовьяхъ, около Маринска, приготовлялись хорошіе балыки, и еще кѣмъ? — солдатами!

Въ Усть-Стрѣлкѣ я разстался съ Амуромъ, чтобы увидеть его не раньше, какъ черезъ восемь мѣсяцевъ. Молодцы усть-стрѣлочные казаки повезли мою лодку по Шилкѣ съ быстротою, отъ которой я уже давно отвыкъ на Амурѣ, гдѣ въ послѣдніе дни едва успѣвалъ дѣлать по 30-ти верстѣ въ сутки. Бросивъ послѣдній взглядъ на великую рѣку, я засѣлъ, согнувшись, подъ лубочный навѣсъ, и сталъ писать отчетъ о видѣнномъ, для представленія его генераль-губернатору по приѣздѣ въ Иркутскъ. Топографъ Жилейщиковъ приводилъ тѣмъ временемъ въ порядокъ наши общія съемки, и незамѣтно пролетѣли три дня, при концѣ которыхъ лодка моя снова стояла передъ домомъ Скобельцина въ Горбицѣ, какъ три мѣсяца тому назадъ. Такимъ образомъ поѣздка моя «за границу» окончилась, и я пользуюсь этимъ окончаніемъ, чтобы сказать, что же именно было сдѣлано лѣтомъ 1857 года для заселенія Амура.

Казачьи станицы возникли въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1. При устьѣ р. Игнашиной въ Амурѣ, въ 63-хъ верстахъ отъ Усть-Стрѣлки, теперешняя станица Игнашина.
2. При устьѣ р. Ольдоя, въ 27-ми верстахъ ниже предыдущей; теперь называется Сгибневой, въ память А. С. Сгибнева, командира «Аргуни», перваго на Амурѣ парохода.
3. Противу устья Албазихи, на мѣстѣ бывшаго городка Албазина—Албазинская станица, нынѣ одно изъ значительнѣйшихъ селеній на верхнемъ Амурѣ. Отъ предыдущей 83 версты.
4. Противу устья Панги, теперешняя станица Бейтоновская, въ память извѣстнаго героя XVII вѣка, Бейтона. Отъ Албазина 39 верстъ.

5. На устьѣ Буринды, теперешняя станица Толбузина; 78 версть.

6. Близъ устья рѣчки Бусуни, Ольгинская; 53 версты.

7. На Анганѣ—Кузнецова, въ честь кушца Кузнецова, жертвователя на первую амурскую экспедицію; 63 версты.

8. На Унми—Аносова, въ честь горнаго инженера, составившаго первое описаніе Амура въ 1854 г. и потомъ извѣстнаго своими геогностическими изысканіями въ Амурскомъ краѣ; 75 версть.

9. Противу устья Кумары, большая станица Кумарская; 87 версть.

10. На Улусѣ-Модонѣ два небольшіе поселка, нынѣ называемые Казакевичевымъ и Корсаковымъ, въ честь М. С. Корсакова и П. В. Казакевича, теперешняго кронштадтскаго военнаго губернатора, а въ 1857 г. губернатора Приморской области. Послѣдній отъ Кумары по рѣкѣ 69 версть.

11. На урочищѣ Нарасунѣ—станца Бибикова, въ честь бывшаго спутника Н. Н. Муравьева въ его первой экспедиціи на Амурѣ, г. Бибикова; 66 версть.

12. При устьѣ Зеи, станица Усть-Зейская, нынѣ городъ Благовѣщенскъ; 75 версть, а отъ Усть-Стрѣлки 778.

13. Въ 26-ти верстахъ ниже устья Бурея, теперешняя станица Иннокентьевская; отъ Усть-Зеи 268 версть.

14. Халтанѣ—теперь станица Касаткина; 41 верста.

15. У входа Амура въ Хинганѣ—станца Пашкова, въ память нерчинскаго воеводы XVII вѣка; отъ Халтана 50 версть, а отъ Стрѣлки 1,137 версть.

Во всѣхъ этихъ 15-ти селеніяхъ въ 1857 г. было не свыше 1,850 душъ обоихъ половъ; самыя большія изъ нихъ были Усть-Зейская, Иннокентьевская и Кумарская станицы, въ которыхъ находились и управленія трехъ переселенныхъ сотенъ.

Къ этому осѣдлому населенію нужно присоединить, какъ первыхъ же русскихъ жителей на верхнемъ Амурѣ, офицеровъ и солдатъ 14-го сибирскаго линейнаго баталіона и дивизіона одной батареи, всего около 1,100, такъ что зимою съ 1857 на 1858 годъ было въ теперешней Амурской области около 2,950 русскихъ, разбросанныхъ на протяженіи 1,137 версть.

Люди эти вообще были снабжены продовольствіемъ на 14 мѣ-

сяцевъ, и если бы случилась въ теченіе зимы какая нибудь убыль запасовъ, то пополнить ее не имѣли средствъ, кромѣ небольшого числа усть-зейцевъ, у которыхъ въ сосѣдствѣ былъ городъ Айгунъ съ группою маньчжу-китайскихъ деревень. Ни казна, ни частная русская торговля не могли имъ подать помощи раньше конца мая слѣдующаго 1858 года. Весь домашній скотъ и птица должны были кормиться изъ того же 14-ти мѣсячнаго людскаго запаса, но первый, разумѣется, главнымъ образомъ, запасами сѣна, которые населенію слѣдовало собрать въ первыя же недѣли по прибытіи на мѣсто, въ горячую пору постройки жилищъ. Мы видѣли, что, въ большинствѣ случаевъ, переселенцы прибыли поздно, и имъ, по времени года, почти было не до скота. Вотъ почему значительная часть привезенной изъ Забайкалья живности была съѣдена зимою, другая подохла, и рабочія силы къ началу рабочей поры 1858 года были въ состояніи неудовлетворительномъ. Этого факта не слѣдуетъ забывать, когда разбираютъ причины недостаточной зажиточности амурскихъ колонистовъ. Они, такъ сказать, были надорваны въ силахъ и средствахъ борьбою съ природою въ самый день ихъ водворенія въ новомъ краѣ.

Откуда то недовольство ихъ судьбою, которое видѣлъ въ 1859—1860 годахъ С. В. Максимовъ и которое дискредитировало Амуръ и въ глазахъ народа, въ первое время увлекавшагося было переселеніемъ въ Амурскій край, и въ глазахъ образованной публики, которая, не имѣвъ возможности сама изучать богатства естественныя средства новой страны, стала склонною думать, что богатства эти существуютъ только въ воображеніи нѣкоторыхъ Иркутскихъ чиновниковъ, задаренныхъ наградами.

Изъ Горбицы я тѣмъ же способомъ, т. е. плывя въ лодкѣ, доѣхалъ до Стрѣтенска; но какъ тутъ уже можно было ставить на бичеву не людей, а лошадей, то плаваніе совершалось очень быстро. За всѣмъ тѣмъ, когда въ Стрѣтенскѣ я сѣлъ въ тарантасъ и двинулся по сухому пути рысью, отъ 10-ти до 12-ти верстъ въ часъ, то эта скорость показалась мнѣ неблагоприятно большою, и я долго держался за экипажъ, опасаясь упасть. Но мало по малу нервы пришли въ порядокъ, и несясь на курьерскихъ отъ Нерчинска къ Городищу, я уже заставлялъ ямщика ѣхать скорѣе, чѣмъ по 15-ти верстъ въ часъ.

И скакать было нужно. Уже въ Стрѣтенскѣ я узналъ, что

генераль-губернаторъ собирается въ Петербургъ. Оставить его безъ свѣдѣній о томъ, въ какомъ состояніи находился Амуръ черезъ полтора мѣсяца послѣ его отъѣзда, значило бы сильно его раздосадовать и даже, вѣроятно, повредить вообще амурскому дѣлу, потому что и цѣль-то его поѣздки въ далекую столицу состояла въ докладѣ о ходѣ этого дѣла и полученіи полномочій, необходимыхъ для его успѣшнаго окончанія. Переѣхавъ на пароходѣ Байкаль, я въ ночь двинулся къ Иркутску и на зарѣ прибылъ въ этотъ городъ. Экипажъ Н. Н. Муравьева былъ уже подмазанъ, вещи уложены, и самъ онъ ходилъ по залѣ въ дорожномъ платьѣ, когда я явился съ докладомъ, частію письменнымъ, частію словеснымъ. Выслушавъ меня, онъ приказалъ начальнику штаба, г. Буссе, тому самому, который возбудилъ по смерти своей такую горячую полемику о Сахалинѣ, прислать меня осенью въ Петербургъ, а самъ пошелъ садиться въ тарантасъ, въ которомъ обыкновенно совершалъ свои поѣздки, такъ какъ рессорные экипажи совершенно не годятся для ѣзды по дорогамъ нешоссированнымъ.

III.

..... Два съ половиною мѣсяца, проведенные мною въ Иркутскѣ и въ Забайкальѣ послѣ отъѣзда Н. Н. Муравьева въ Петербургъ, были совершенно достаточны, чтобы убѣдиться, что такое вниманіе къ «новичку», какое оказалъ мнѣ генераль-губернаторъ взявъ съ собою на Амуръ, не проходитъ даромъ. Не было такой шпильки и даже просто грубости, какой бы не позволилъ себѣ г. Б. по отношенію ко мнѣ, и если иногда сдерживался, то только потому, что, зная о предстоявшей мнѣ поѣздкѣ въ Петербургъ, боялся, что я принесу тамъ на него жалобу генераль-квартирмейстеру и генераль-губернатору. Я молчалъ, хотя иногда приходилось кусать губы отъ сдержаннаго негодованія. Чтобы характеризовать двумя словами мое положеніе въ это время, скажу, что когда я, для приложенія къ составлявшемуся мною описанію Забайкалья, начертилъ маршрутную карту, стоившую мнѣ около мѣсяца работы, то карта эта, названуѣ окончанія, исчезла со стола, на которомъ я работалъ, сидя въ штабѣ...

Тѣмъ не менѣе, 22-го ноября 1857 года курьерская тройка по-несла меня по направленію въ Петербургу и 9-го декабря поутру я былъ уже тамъ. Въ это время составлялось предположеніе объ экспедиціи на рѣку Усури для открытія вдоль ея сообщенія съ тѣми гаванями Японскаго моря, которыя только что были отысканы пароходомъ «Америка», возившимъ адмирала Путятина изъ Николаевска въ Китай. Генераль-губернаторъ объявилъ мнѣ, что эта экспедиція будетъ поручена мнѣ. Лучшей программы дѣятельности на будущее лѣто нельзя было придумать, и я съ жаромъ занялся приготовленіями къ предстоявшему странствованію: перечиталъ все, что было писано о Маньчжуріи и Японскомъ морѣ, скопировалъ карты, сдѣлалъ длинныя выписки изъ Лаперуза и Броутона, выпросилъ у барона В. К. Ливена дубликаты многихъ книгъ о восточной Азій, находившихся въ библиотекѣ главнаго штаба, для доставленія ихъ въ Иркутскъ, и т. п. Но особенно счастливымъ я считалъ себя, при этихъ приготовленіяхъ, тѣмъ, что имѣлъ случай встрѣтиться съ двумя отличными знатоками тѣхъ мѣстностей, въ которыя мнѣ предстояло отправиться, съ профессоромъ Васильевымъ и адмираломъ Невельскимъ. В. П. Васильевъ въ это время занимался переводами съ китайскаго описаній рѣкъ Амурскаго бассейна. Съ обычнымъ ему великодушіемъ, онъ сообщилъ мнѣ описъ рѣки Усури и даже предложилъ не переписывать тетрадки, а оставить за собою оригинальную его рукопись. Это былъ поступокъ, достойный истиннаго служителя науки, чуждаго всякихъ личныхъ расчетовъ. Отъ него же я получилъ только что отпечатанное имъ въ Запискахъ Географическаго общества общее описаніе Маньчжуріи, составленное по китайскимъ источникамъ и во многомъ дополнявшее Риттера даже въ переводѣ его, сдѣланномъ въ 1856 г. П. П. Семеновымъ. Г. И. Невельской былъ не менѣе любезенъ. Онъ лично навѣстилъ меня въ скромной моей квартирѣ въ одной изъ отдаленныхъ частей Петербурга, пригласилъ къ себѣ, въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ бесѣдовалъ со мною о Нижне-амурскомъ и Усурійскомъ краяхъ, о которыхъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія, частію какъ очевидецъ, частію изъ разспросовъ у гиляковъ, мангунъ и гольдовъ. Опасаясь, чтобы я чего-либо изъ сообщеннаго имъ не забылъ, онъ начертилъ на особомъ листѣ эскизъ страны между Усури и Японскимъ моремъ и тутъ же написалъ на поляхъ пояснительный

текстъ. Словомъ, В. П. Васильевъ и Г. И. Невельской сдѣлали все, что могли сдѣлать люди высокаго благородства и любви къ дѣлу, такъ что и теперь, черезъ 21 годъ, я не могу безъ горячаго біенія сердца вспоминать объ ихъ во мнѣ участіи. Ихъ сообщенія я храню какъ святыню.

Геинадій Ивановичъ Невельской, какъ извѣстно, оставилъ свои Записки о времени первыхъ нашихъ движеній въ Амурскомъ краѣ, въ которыхъ ему принадлежала столь видная роль. Живя за границей, я еще не успѣлъ хорошо познакомиться съ содержаніемъ этой книги, не такъ давно вышедшей въ свѣтъ; но не сомнѣваюсь, что она полна интереса, именно потому что, конечно, въ ней сказана одна правда. Болѣе честнаго человѣка мнѣ не случалось встрѣчать, и хотя его рѣзкость, угловатость могли иногда не нравиться, но всякій, кто имѣлъ случай ближе подойти къ нему, скоро замѣчалъ, какая теплая, глубоко-симпатическая натура скрывалась за его непредставительною наружностью. Противники его, не имѣя возможности марать его чести, стоявшей выше подозрѣній, старались выставить его смѣшнымъ, ограниченнымъ сумазбродомъ... Да! и Колумбъ былъ сумазбродъ, и Гарибальди сумазбродъ, даже самый ограниченный, если вѣрить офиціознымъ журналистамъ и дипломатамъ. Только для нихъ обонихъ есть исторія; есть она и для Невельскаго, а всѣхъ офиціозныхъ журналистовъ и многихъ дипломатовъ что же ожидаетъ, кромѣ забвенія?..

Впрочемъ, виноваты передъ гг. дипломатами. Именно въ воспоминаніяхъ о занятіи Амура приходится назвать одного изъ нихъ, также имѣющаго права на память въ потомствѣ. Это былъ тоже, если не «сумазбродъ», такъ «эксцентрикъ», Егоръ Петровичъ Ковалевскій, который управлялъ азіатскимъ департаментомъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ 1855—1861 годахъ. Его провицательный умъ, его литературныя дарованія, его злой языкъ, его отличное знакомство съ Востокомъ, его просвѣщенный патріотизмъ—слишкомъ извѣстны, чтобы мнѣ нужно было напоминать о нихъ; но его участіе въ дѣлѣ «возсоединенія» Амура извѣстно далеко не каждому. Когданибудь, въ другомъ мѣстѣ, я расскажу, что знаю; но не могу не пожелать, чтобы этотъ трудъ принялъ на себя ктонибудь знавшій Егора Петровича ближе, чѣмъ я. Для исторіи Амурскаго края, то былъ бы важный матеріалъ.

Занятый приготовлениями къ усурійской экспедиціи, я не слишкомъ внимательно слѣдилъ за тѣми общими вопросами, которыхъ рѣшеніе вызывало Н. Н. Муравьева на пребываніе въ Петербургѣ; но все же зналъ, что по отношенію къ Амуру дѣло идетъ о двухъ предметахъ первостепенной важности, именно, о продолженіи заселенія его въ размѣрахъ гораздо большихъ, чѣмъ въ 1857 году, и о передачѣ генераль-губернатору Восточной Сибири тѣхъ полномочій на заключеніе съ Китаемъ договора объ Амурскомъ враѣ, которыя были даны другому лицу. Подписаніе трактата съ китайцами о признаніи за нами всего лѣваго и части праваго берега Амура должно было явиться вѣнцомъ многолѣтней дѣятельности Н. Н. Муравьева, и понятно, что онъ не желалъ отдать этого вѣнца другимъ. Дѣло это и устроилось въ началѣ 1858 года, такъ что я уже въ Петербургѣ зналъ, что предстоящею весною будутъ идти у генераль-губернатора переговоры съ китайскими полномочными. Возникли толки о проведеніи наилучшей границы съ Маньчжуріею въ теперешней Приморской области. Одни говорили, что достаточно будетъ намъ взять треугольникъ между устьемъ Усури, заливомъ де-Кастри и Императорскою гаванью; другіе указывали на Ольгинскую гавань, какъ на южный предѣлъ приобрѣтеній, которыхъ нужно желать. Г. И. Невельской совѣтовалъ не упускать момента ослабленія Китая, боровшагося съ тайпингами и англо-французами, и провести границу отъ устья Сунгари прямо на югъ, по горамъ, отдѣляющимъ бассейнъ этой рѣки отъ усурійскаго, а далѣе выйти къ Японскому морю у сѣверо-восточнаго угла Кореи. Но это предложеніе находили несерьезнымъ, слишкомъ агрессивнымъ, и, напримѣръ, М. С. Корсаковъ открыто подсмѣивался надъ нимъ... Надобно однако замѣтить, что на виду были предположенія и еще болѣе смѣлыя. Осенью 1857 года вышла въ Лондонѣ карта всего свѣта, изданная, если не ошибаюсь, офиціальнымъ англійскимъ картографомъ Стэнфордомъ. На ней русская граница въ восточной Азіи была проведена по прямой линіи отъ Абагайту къ Желтому морю, такъ что вся почти Маньчжурія признавалась русскою провинціей. Говорили, что границу эту Стэнфордъ провелъ по указаніямъ нашего военнаго агента въ Лондонѣ, капитана Н. П. Игнатьева, а этотъ послѣдній будто бы только выразилъ чертежомъ мысль и предположеніе импера-

тора Николая; но за достовѣрность этихъ слуховъ я не ручаюсь и передаю ихъ лишь какъ слухи, носившіеся въ средѣ, которая, до нѣкоторой степени, призывалась къ подачѣ голоса по амурскимъ дѣламъ и интересовалась всякаго рода относившимися до нихъ предположеніями.

Н. Н. Муравьевъ уѣхалъ изъ Петербурга вскорѣ послѣ Новаго года; я остался на нѣкоторое время, чтобы получить заказанные мною разные инструменты для штаба и для сахалинскихъ угольныхъ копей, принять изъ бібліотеки главнаго штаба книги и т. п. Долго заживаться однако было нельзя, и вотъ новыя 6,000 верстъ въ теченіе года, такъ что, считая поѣздки на Амуръ, я сдѣлалъ, съ февраля 1857 по февраль 1858 г., болѣе 22,000 верстъ, изъ которыхъ около 2,600 верстъ водою, 18,000 в. на почтовыхъ или курьерскихъ и только 1,800 верстъ по желѣзной дорогѣ. Привожу эти цифры, чтобы показать, какова была тогда служба въ Восточной Сибири, потому что я далеко не составлялъ исключенія, и многіе ѣздили еще больше меня, особенно адъютанты и чиновники особыхъ порученій генераль-губернатора. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что надъ этими разъѣздами восточно-сибирскихъ чиновниковъ смѣялись въ Петербургѣ; «Искра» напечатала рядъ каррикатуръ на этотъ счетъ, гдѣ представила даже портреты нѣкоторыхъ изъ «курьеровъ» съ подписью, что «на привезенныхъ ими бумагахъ собственною его пр—ва рукою написано: къ свѣдѣнію». Но повторяю: разъѣзды были неизбѣжны. Я, напримѣръ, привезъ важныя депеши изъ Пекина и Тянь-цзина, которыя ускорили рѣшеніе дѣла о предстоящемъ заключеніи договора объ Амурѣ по крайней мѣрѣ на двѣ недѣли. Вѣдь почта отъ Иркутска до Петербурга ходила слишкомъ 30 дней, а я пріѣхалъ въ 17^{1/2}.

По прибытіи въ Иркутскъ, опять начались непріятности. Г-ну Б—у было досадно, что генераль-губернаторъ, не спросясь его, отдалъ усурійскую экспедицію мнѣ. Узнавъ довольно близко его характеръ, я опасался съ его стороны всякаго рода мѣръ къ тому, чтобы исполненіе моего порученія обставить самыми невыгодными условіями; но, по счастью, составленіе команды и снабженіе ея запасами поручено было М. С. Корсакову, т. е. лицу, стоявшему внѣ штабныхъ интригъ, и моими спутниками на Усури явились люди усердные и хорошо всѣмъ снабженные. За то г-ну Б—у

удалось сдѣлать мнѣ серьезную неприятность въ собственно-штабной сферѣ. По предположенію генераль-губернатора и утвержденной имъ смѣтѣ экспедиціи, предполагалось мнѣ дать въ помощь двухъ топографовъ. Г-нъ Б. распорядился такъ, что этихъ топографовъ я не видалъ въ глаза, и, слѣдовательно, мнѣ приходилось одному сдѣлать то, что должны были дѣлать трое. Мало того: изъ довольно значительнаго запаса топографическихъ инструментовъ, находившихся въ Иркутскѣ, мнѣ были отпущены самыя дурныя, на примѣръ, буссоли съ размагнитившимися стрѣлками и тупыми шпильками. По счастью, я всегда имѣлъ, какъ и теперь имѣю, этого рода инструменты собственные, разумѣется, исправныя. Съ этой стороны, стало быть, маневры были бесполезны. За то г. Б. не поскупился на личныя оскорбленія таковаго свойства, что я далъ себѣ слово: какъ только окончу экспедицію, уѣхать изъ Восточной Сибири, каковы бы ни были внѣшнія условія службы, которыя пришлось бы принять, отказавшись отъ должности старшаго адъютанта штаба. Я это потомъ и сдѣлалъ.

Въ половинѣ апрѣля 1858 г. я опять отправился на Амуръ и опять съ любезнымъ Я. П. Шилкинскимъ, но нѣсколькими днями впередъ генераль-губернатора. Въ Шилкинскомъ заводѣ я нашелъ готовую мою команду: почтеннаго сотника Пѣшкова, урядника Масленникова, переводчика тунгусскаго языка унтеръ-офицера Карманова и одиннадцать казаковъ. Со мною былъ еще крѣпостной мальчишъ въ видѣ слуги, такъ какъ опытъ прошлаго года указалъ на положительную необходимость имѣть прислугу, независимую отъ команды гребцовъ, далеко нелюбезно распоряжавшихся вещами, лично мнѣ принадлежавшими. Такъ какъ мы прибыли въ Шилкинскій заводъ еще въ то время, когда Шилка была покрыта льдомъ, то пришлось дожидаться ея вскрытія. Помню очень хорошо, какъ по вскрытіи, наконецъ, рѣки стали хлопотать о скорѣйшемъ выводѣ изъ гавани парохода «Лены», гдѣ онъ замерзъ, и какъ не успѣли въ этомъ, такъ что генераль-губернаторъ съ ближайшими своими спутниками уплылъ на катеръ, а намъ, т. е. г-ну Б., мнѣ, почтенному чиновнику особыхъ порученій В. Д. Карпову и еще какому-то гражданскому чиновнику, имена котораго не могу вспомнить, данъ былъ огромный барказъ или, точнѣе, кузовъ канонерской лодки, на которой смѣло можно было помѣстить роту солдатъ, или, еще лучше, семействъ

тридцать переселенцевъ, или нѣсколько тысячъ пудовъ муки. Этотъ барказъ былъ истиннымъ мученьемъ для моей команды, которая одна должна была съ нимъ управляться и, стало быть, понапрасну измучиться прежде, чѣмъ начнется собственно усурійская экспедиція. Особенно неприятно было присутствіе на томъ же барказѣ генераль-губернаторскихъ куръ и барановъ, которымъ не нашли, видно, другаго мѣста, которые отравляли атмосферу, доставляли много хлопотъ по прокормленію и кончили тѣмъ, что большею частію подошли не доѣхавъ до Зеи... Эти мелочи съ «задняго двора» я привожу здѣсь, какъ характеристическія вообще для экспедиціи 1858 года, въ которую, за огромностью ея размѣровъ и цѣли, очевидно пренебрегали вещами второстепенными, т. е. именно тѣми, которыя ближе всего касаются отдѣльныхъ исполнителей общаго дѣла.

А цѣль и размѣры экспедиціи 1858 года были дѣйствительно огромны. Во первыхъ, нужно было дополнить колонизацію прошлаго года основаніемъ множества новыхъ селеній между Усть-Стрѣлкою и Хинганомъ, такъ чтобы, вмѣсто прежнихъ трехъ сотенъ, казаки могли выставлять два полка; во вторыхъ, слѣдовало заселить вновь обширное пространство между Хинганомъ и Усури и даже часть береговъ этой послѣдней рѣки; въ третьихъ, и самое главное, нужно было заключить договоръ съ Китаемъ, облекавшій наши захваты на Амурѣ въ законную форму. Послѣдняя цѣль была бы очень трудно-достижимою, даже, быть можетъ, вовсе недостижимою безъ войны, если бы у китайскаго правительства не было въ это время на рукахъ тяжелыхъ заботъ по борьбѣ съ англо-французами, взявшими уже Кантонъ, съ тайпингами, владѣвшими Нанкиномъ, и съ магометанами, которыхъ возстаніе началось въ 1857 году и охватило обширную площадь отъ береговъ Желтой рѣки въ Шень-си до Кашгара. Но какъ эта тройная борьба, совершавшаяся притомъ на театрахъ гораздо болѣе важныхъ для Китая, чѣмъ отдаленный Амуръ, поглощала все вниманіе богдыханскаго правительства, то можно сказать, что именно главная-то цѣль экспедиціи 1858 года—трактатъ—была самою легко-достижимою. Это и подтвердилось тѣмъ, что когда генераль-губернаторъ прибылъ на устье Зеи, то оказалось, что китайскій уполномоченный, князь И-шань, тестъ императора, уже дожидается его въ сосѣднемъ Айгунѣ. Кромѣ того, яснымъ дока-

зательствомъ готовности китайцевъ уступать служить и самая братскость переговоровъ. Мы прибыли на устья Зеи 11-го мая; 13-го генераль-губернаторъ явился передъ Айгуномъ съ своимъ ватеромъ и двумя канонерскими лодками, а 16-го договоръ былъ подписанъ. Я не привожу здѣсь его содержанія, потому что онъ всѣмъ извѣстенъ, но замѣчу, что при заключеніи его было нѣсколько курьезныхъ обстоятельствъ. Переговоры велись черезъ переводчиковъ или, точнѣе и главнымъ образомъ, черезъ Я. П. Шишмарева, который получалъ указанія отъ генераль-губернатора и къ которому являлись второстепенные китайскіе чиновники съ такими же наставленіями отъ князя И-шаня. Послѣдніе прибѣгали къ совершенно азіатскимъ хитростямъ, чтобы добиться нашей снисходительности. Они плакали, увѣряя, что не смѣютъ передать представляемыхъ требованій своему послу, вѣроятно, изъ опасенія, что онъ велитъ вздуть ихъ бамбуками, увѣряли отъ имени самого посла, что онъ не рѣшится принять такихъ-то и такихъ-то условій, потому что за принятіе ихъ ему угрожала бы петля, и т. п., а когда договоръ былъ подписанъ, то признавались, что ихъ удивила умѣренность нашихъ требованій, что они ожидали для начала негоціацій домогательства нашего на всѣ земли до Великой стѣны и Желтой рѣки, дабы потомъ, по принятому въ дипломатіи обычаю, сбавлять эти требованія... Спѣшу, впрочемъ, оговориться: самъ я подъ Айгуномъ во время переговоровъ не былъ, а узналъ эти подробности черезъ нѣсколько дней послѣ заключенія договора, когда генераль-губернаторъ со свитою прибылъ на устье Усури, куда я былъ отправленъ впередъ. Помнится, при этомъ и самъ Н. Н. Муравьевъ смѣялся надъ И-шанемъ, который хоть и увѣрялъ, что боится петли, но на послѣдовавшемъ за подписаніемъ трактата угощеніи такъ усердно пилъ шампанское, что снялъ съ себя курму и остался только въ той части одежды, которая походитъ на поповскій подрясникъ или, пожалуй, даже на рубашку и которая, я уже забылъ теперь, какъ называется по китайски.... Рассказывали также о баснословномъ невѣжествѣ китайцевъ, которыхъ будто бы увѣрили, для убѣжденія въ необходимости уступить намъ усурійскій край, что если они этой уступки не сдѣлаютъ, то англичане не замедлятъ появиться на Усури съ своими пароходами и пушками, которыя перетащутъ туда съ Японскаго моря. Вообще, пуганье англича-

нами было однимъ изъ главныхъ мотивовъ съ нашей стороны, и кто знаетъ ненависть и боязнь, которую китайцы питають въ этомъ «рыжимъ варварамъ», тотъ пойметъ, что выборъ этого мотива былъ очень удаченъ: мы сами вѣдь должны были во всякомъ случаѣ остаться «друзьями» Китая.

IV.

Вся повѣя амурскаго дѣла кончилась съ подписаніемъ айгунскаго договора. За исключеніемъ одной моей небольшой экспедиціи, которая тоже утратила часть своей прелести, не оставалось ни одного предпріятія на Амурѣ, которое не было бы самою сухою прозою. Для «видныхъ» дѣлъ почти не оставалось мѣста. Поэтому можно было предвидѣть, что тотъ наплывъ энергической молодежи въ Ирвутскъ, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершался подъ вліяніемъ амурскаго дѣла, скоро прекратится, а съ нимъ прекратится и та энергическая жизнь, которая было пробудилась въ Восточной Сибири. Такъ оно и случилось, какъ извѣстно; но впрочемъ 1858 и 1859 года были еще годами увлеченій для многихъ, возвращавшихся потомъ, разумѣется, совершенно разочарованными. Колонизація Амура, изслѣдованія и заселеніе южно-усурійскаго края, тамошнихъ гаваней и т. п. привлекали еще людей, жаждавшихъ дѣятельности, но недолго. Въ 1860 году посѣтилъ наши посты по берегамъ Японскаго моря талантливый путешественникъ Линдау: онъ удивлялся ихъ безжизненности и печальной участи людей образованныхъ, которые были брошены судьбой въ эту глушь. Тогда же описалъ далеко нерозовыми красками и самый Амуръ путешественникъ русскій, С. В. Максимовъ...

Гдѣ причина этому? Отчего Амурскій край не развился такъ же быстро и роскошно, какъ Калифорнія, Новая Зеландія, Южная Австралія или хоть даже Канада?... Въ «воспоминаніяхъ» не мѣсто отвѣчать на этотъ вопросъ, а потому я вернуся къ простому перечню событій 1858 года, на сколько они знакомы мнѣ лично.

И, во первыхъ, скажу нѣсколько словъ объ амурской компаніи, которая была основана въ этомъ году и возбуждала такія сангвиническія надежды. Задачи компаніи были очень широки, средства значительны, покровительство со стороны высшихъ сибирскихъ властей—безусловно; въ заключеніе всего, веденіе дѣлъ

на мѣстѣ, т. е. на Амурѣ, было ввѣрено лицу, извѣстному въ иркутскомъ коммерческомъ мѣрѣ по своему уму и дѣятельности, купцу Бѣлоголовому. Н. Н. Муравьевъ принималъ самое близкое участіе въ судьбахъ компаніи. Когда, по заключеніи айгунскаго договора, онъ встрѣтилъ Бѣлоголоваго на устьѣ Усури, въ теперешней станицѣ Казакевичевой, то на бывшемъ въ генералъ-губернаторскомъ помѣщеніи (шалашъ изъ коры) завтракъ единственный тостъ, провозглашенный хозяиномъ, былъ «за процвѣтаніе амурской компаніи», которая должна была избавить Амуръ отъ мелкихъ хищниковъ-спекулянтовъ и водворить въ немъ «разумную» торговлю, которая бы содѣйствовала развитію богатствъ края. Предполагалось, что средства компаніи дадутъ ей возможность снабдить край немедленно тѣми произведеніями странъ культурныхъ, которыхъ недоставало необработанной еще, хотя богатой отъ природы, пустынь: хлѣбомъ, рисомъ, сахаромъ, свѣчами, готовою обувью, одеждой и матеріалами для нея, скотомъ, земледѣльческими орудіями, мебелью, посудой, стекломъ, желѣзною утварью и пр. Предполагалось, конечно, что главною заботой компаніи будетъ не скупка по дешевой цѣнѣ соболей, которые бы на ирбитской ярмаркѣ доставили ей 300—400⁰/_о барыша ¹⁾, а доставка изъ-за границы, моремъ, такихъ грузовъ, которые бы могли удовлетворить потребностямъ вновь возникавшихъ колоній. Предполагалось, наконецъ, что мѣстныя амурскія власти пронивнутъ тѣми же взглядами на компанію, какъ и власти иркутскія, и не только не будутъ дѣлать ей притѣсненій и убытковъ, а облегчать ея задачи—отводомъ, на примѣръ, постоянныхъ мѣстъ подъ магазины компаніи, перевозкою болѣе спѣшныхъ грузовъ на казенныхъ пароходахъ, трюмы которыхъ нерѣдко оставались пустыми, и т. п. Но что же случилось не въ области предположеній, а въ дѣйствительности? Въ лавкахъ компаніи продавались заплесневѣлые пшеничные сухари и крендели по полтиннику и по трехрублевому за фунтъ, прогорьклое коровье масло по цѣлковому, червивая колбаса, гнилая даба (низшій сортъ китайки) и т. п., а принимались, за исключеніемъ денегъ, одни соболя! Съ великимъ трудомъ я, износившій на

¹⁾ Соболя покупались въ 1858 г. на Амурѣ по 3—4 рубля, а продавались въ Ирбитѣ по 12—15, иногда даже по 25 рублей.

Усури четыре пары обуви, могъ достать себѣ кунгурскіе простонародные сапоги что-то за 10 или 12 рублей пару, такъ что на первый же годъ существованія компаніи приходилось жалѣть объ отсутствіи тѣхъ «хищниковъ», которыхъ могущественная конкуренція компаніи удалила съ Амура. Съ другой стороны, мѣстныя власти вели себя съ компаніею возмутительно. Пришли, на примѣръ, на устья Зеи компанейскія лодки. «Давайте ихъ намъ! онѣ намъ нужны для перевозки солдатъ или казенныхъ тяжестей!» Прибыли на низовья Амура компанейскіе скотъ и мука: «пожалуйте ихъ намъ, а въ будущую навигацію мы вамъ отдадимъ ихъ натурою!»—Губернаторъ Б., отправляясь въ Благовѣщенскъ и желая, чтобы городъ этотъ былъ не только просвѣщенъ его присутствіемъ, но и освѣщенъ фонарями, заказалъ таковыя компаніи, да встать и пожарныя инструменты. И то, и другое было доставлено, но тогда его превосходительство отказался отъ заказа, потому что у города доходовъ не было и заплатить было нечѣмъ. И, разумѣется, компанія не смѣла отыскивать убытковъ. Мудрено-ли послѣ этого, что она кончила свое существованіе черезъ 3—4 года продажею акцій, кажется, г-ну Бенардаки, по 17 копѣекъ за рубль?!

Лично я провелъ все лѣто 1858 года, т. е. конецъ мая, іюнь, іюль и часть августа, на Усури, занимаясь съемкою этой рѣки и составляя ея описаніе. Такъ какъ отчетъ объ этой экспедиціи давно и не разъ напечатанъ, не только по русски, но даже по англійски, то я не буду здѣсь останавливаться на ней, а расскажу лишь то, что относится до заселенія Амура. Когда, въ августѣ, я плылъ внизъ по Усури и приближался къ ея устью, то издали замѣтилъ нѣсколько свѣжихъ, еще неоконченныхъ построекъ по равнинѣ праваго ея берега, тянущейся отъ подошвы хребта Хехцырь къ югу. Это былъ зародышъ станицы Невельской, которую потомъ пришлось перенести съ берега внутрь страны, потому что разливы Усури затопляли дома. Хотя въ 1858 г. переселенческіе сплавы начались гораздо раньше, чѣмъ въ 1857-мъ, но по отдаленности Усури отъ Забайкалья поселенцы пришли поздно, и состояніе ихъ построекъ внушало опасенія, что зимовка будетъ плоха. Въ слѣдующемъ селеніи, Казакевичевомъ, дѣло шло несравненно лучше. Тутъ уже съ ранней весны губернаторъ Приморской области началъ возведеніе зданій

для магазиновъ и нѣсколькихъ жилыхъ построекъ, и потому селеніе имѣло довольно приличный видъ. Оно поэтому и сдѣлано было потому мѣстопребываніемъ командира Усурійскаго казачьяго баталіона. Станица Корсакова едва зарождалась, за то Хабаровка, поставленная на превосходномъ, возвышенномъ берегу Амура и Усури, при окончательномъ ихъ сліянніи, представляла утѣшительный видъ. Здѣсь работы, подъ управленіемъ того же Я. В. Дьяченки, который въ прошломъ году строилъ Кумаревую станицу, шли очень успѣшно, и возникли не только дома, но лавки съ товарами, даже, если не ошибаюсь, заложена была небольшая церковь или часовня на пригорѣхъ, видномъ издалека. Купцы своимъ коммерческимъ инстинктомъ поняли, что тутъ въ будущемъ долженъ возникнуть большой коммерческій центръ, и, разумѣется, рано или поздно этотъ центръ возникнетъ; но вотъ, напримѣръ, какія обстоятельства мѣшали этому до настоящаго времени. Гораздо позднѣ основанія Хабаровки возникла мысль основать въ ней мѣстопребываніе губернатора всего Амурскаго края, при чемъ Благовѣщенскъ остался бы уѣзднымъ городомъ, по крайней мѣрѣ, до того времени, пока населеніе Амурскаго края не увеличится на столько, чтобы стоило сдѣлать изъ него двѣ области. При этомъ, конечно, губернатору изъ Благовѣщенска, гдѣ у него есть хорошій домъ, пришлось бы переехать въ Хабаровку, на первое время—въ помѣщеніе болѣе тѣсное; пришлось бы и удалиться отъ Иркутска, гдѣ жилъ нареченный тестъ губернатора, человекъ тоже съ виднымъ положеніемъ въ провинціальной администраціи. Спросили изъ Петербурга кого слѣдуетъ въ Восточной Сибири, и что же получили въ отвѣтъ? «Хабаровка неудобна; она лежитъ на болотѣ; отличается нездоровостью», и т. п. Мнѣ случилось читать этотъ любопытный отвѣтъ, и я не зналъ, какъ онъ могъ быть данъ вопреки очевидности,—потому что Хабаровка лежитъ на откосѣ высокой горы и есть одна изъ лучшихъ по мѣстности колоній Амурскаго края,—и какая цѣль могла быть при его составленіи? Только лишь узнавъ случайно семейныя обстоятельства, на которыя сейчасъ указалъ, я понялъ, почему хребетъ Хехцырь официально обратился въ болото.... Что же такое нужды государственныя передъ семейными нѣкоторыхъ особъ!...

Я сейчасъ сказалъ, что нашелъ въ августѣ 1858 г. въ Ха-

баровѣ нѣсколькихъ торговцевъ. Одинъ изъ нихъ, скорѣе прикащикъ или даже «молодецъ», чѣмъ хозяинъ, узнавъ, что я прибылъ съ Усури, сталъ при встрѣчѣ спрашивать меня, чтѣ это за край, чѣмъ тамъ можно торговать? и пр. Я замѣтилъ, что на Усури пока почти совершенная пустыня, что вдоль ея я нашелъ всего 102 плохенькіе домика ссыльныхъ китайцевъ и голдовъ, и что кромѣ соболей тамъ покупать нечего, а продавать можно дабу, водку, табакъ, порохъ и т. п. Соболи, кажется, дешевы.—«Такъ-съ! Ну, а край изъ себя каковъ? Говорятъ, много болотъ».—«Есть-таки, но вѣдь безъ этого не можетъ же быть въ странѣ дикой, лѣсистой и дождливой. Придутъ жители, найдутъ много мѣстъ возвышенныхъ, годныхъ для водворенія, а когда вырубятъ лѣса, то и почва обсохнетъ, даже въ долинѣ рѣки, не только по уваламъ. Вѣдь вотъ и про Амуръ говорили, что онъ—болото; а гдѣ же вы видѣли, чтобы дома были поставлены на болотистой почвѣ, кромѣ развѣ Бусули?—«Помилуйте! гдѣ же на болотѣ? а на пескѣ, это точно... вонъ извольте посмотрѣть, на томъ берегу лугъ-то весь песчаный».—И говора слова «на пескѣ», мой молодецъ какъ-то лукаво улыбнулся, такъ что даже послѣдняя часть его рѣчи мнѣ показалась лишь оговоркой, долженствовавшею смягчить смыслъ его насмѣшливаго замѣчанія.... Должно признаться, что дѣйствительно значительная часть селеній, возникшихъ въ 1858 году, была основана «на пескѣ», въ томъ смыслѣ, что они были недолговѣчны и постепенно были отнесимы отъ берега Амура внутрь страны. Но много было мѣстностей истинно великолѣпныхъ по положенію и угольямъ, на примѣръ, станица Екатерино-Николаевская, у выхода Амура изъ Хинганскихъ горъ. Я не знаю, кто именно выбиралъ мѣста подъ селенія; но общій отчетъ по ходу колонизаціи того года возложенъ былъ на чиновника особыхъ порученій генераль-губернатора, Шелехова, сына извѣстнаго въ свое время писателя по сельскому хозяйству. Чтѣ онъ написалъ, мнѣ неизвѣстно; но вотъ, что я могу сказать съ своей стороны.

Лѣтомъ 1858 года возникло на Амурѣ и Усури 35 селеній, именно: шесть выше Благовѣщенска, четыре на Усури и двадцать пять на среднемъ Амурѣ, отъ Благовѣщенска до Хабаровки. Въ «Извѣстіяхъ Русскаго Географическаго общества» за 1871 г. мною былъ перепечатанъ списокъ всѣхъ въ то время

существовавшихъ въ Амурскомъ крайѣ населенныхъ пунктовъ съ показаніемъ годовъ ихъ основанія; но я долженъ здѣсь оговориться, что тамъ есть нѣсколько ошибокъ, именно относительно хронологіи. Перепечатка мною сдѣлана съ офіціального списка, составленнаго комиссіею 1869 года, ѣздившею на Сахалинъ, и, конечно, ей было очень немного интереса добиваться точности въ хронологіи; но если кто вздумаетъ современемъ писать подробную исторію амурской страны, тотъ долженъ это имѣть въ виду. Станіцы были разставлены такимъ образомъ, чтобы разстоянія между ними были по возможности однообразны и равнялись длинѣ обыкновеннаго почтоваго переѣзда. Я уже замѣтилъ, въ какихъ соображеніяхъ, губительныхъ для переселенцевъ, это дѣлалось; здѣсь прибавлю, что и въ 1858 году объ учрежденіи почтовыхъ станцій по Амуру не было и рѣчи. Странное дѣло! Заняли мы въ киргизской степи ни на что серьезно ненужный Зайсанскій постъ, въ 400 верстахъ отъ Семипалатинска, и сейчасъ провели къ нему почтовую дорогу, по которой едва-ли когда нибудь возится болѣе десятка казенныхъ и частныхъ конвертовъ въ недѣлю. А заняли и заселили Амурскій край, эту большую дорогу къ Тихому океану, и правильной почты не организовывали нѣсколько лѣтъ, разрушая такимъ образомъ одною рукою то, что другою насаждали, т. е. систематически раззоряя вновь водворяемыхъ переселенцевъ почтовою гоньбой. Точно будто Восточная и Западная Сибирь принадлежать не къ одному государству и управляются по разнымъ началамъ!

Общее число переселенцевъ 1858 года мнѣ неизвѣстно, но полагаю, что оно простиралось отъ шести до семи тысячъ душъ, главнымъ образомъ пѣшихъ казаковъ изъ Нерчинскаго округа. Довольно забавную въ военномъ отношеніи картину представляли эти побочные сыны или, точнѣе, приемыши Марса. До 1851 г. они выжигали для горныхъ заводовъ уголь, возили руду, охотились зимою на бѣлокъ, занимались сельскимъ хозяйствомъ, и военныхъ мундира и аммуниціи почти не видывали, кромѣ развѣ тѣхъ, кто жилъ по этапному тракту, которымъ слѣдовали арестанты подъ конвоемъ солдатъ. Вдругъ—въ казаки! Наслали къ нимъ офицеровъ, начали учить артикуламъ, собирать на ученья, даже, кажется, на маневры, выучили ходить въ ногу и пр. Но передѣлать натуры въ 6—7 лѣтъ не могли. Пѣшій забайкаль-

скій казакъ остался мужикъ-мужиномъ, только вмѣсто зипуна любилъ халатъ и бороду не запуская, а бриль поневолю. Фитильная охотничья винтовка была ему милѣе казеннаго ударнаго ружья, потому что она не пугаетъ звѣря взводомъ курка. А что до военной выправки и дисциплины, то онъ частенько говорилъ своему начальнику-офицеру, вмѣсто «ваше благородіе» — «сударь» и при этомъ почесывалъ затылокъ. Вотъ эти-то люди и были призваны заселять Амуръ не просто, чтобъ жить на немъ, но чтобъ защищать его, отъ кого? — не знаю. Я уже не разъ упоминалъ, что китайцевъ бояться было нечего, а затѣмъ очевидно, что въ данномъ случаѣ мы слѣпо слѣдовали традиціи, по которой русскія окраины должны быть обставлены передовою казачьею цѣпью.

Всю эту массу переселенцевъ, двинутую по волѣ правительства и водворенную не тамъ, гдѣ-бы она, можетъ быть, пожелала сама, а тамъ, гдѣ было приказано, приходилось, разумѣется, кормить на счетъ казны, и, какъ опытъ доказалъ, не одинъ годъ. Откуда-же было взять хлѣба? Разумѣется, кромѣ Забайкалья ноткуда. Но Забайкалье имѣетъ такое малочисленное и рѣдкое населеніе, что большихъ свободныхъ остатковъ хлѣба на продажу у него не могло быть. Тутъ опять было употреблено насиліе въ видѣ реквизиціи хлѣба у крестьянъ трехъ волостей по Ингодѣ и Онону. Имъ назначена была цѣна, — помнится, копѣекъ 60 за пудъ муки, — и они должны были доставлять столько-то тысячъ пудовъ. Доставлять хлѣбъ изъ богатыхъ имъ старовѣрческихъ селеній верхнеудинскаго округа, расположенныхъ по Хилону, Чикюю и Селенгѣ, разумѣется, было бы слишкомъ дорого, а попробовать скупить запасы въ китайскихъ деревняхъ около Айгуна было бы дѣломъ рискованнымъ, такъ какъ запасовъ такихъ могло и не оказаться, даже китайцы могли ихъ не продать. О доставкѣ же на Амуръ какъ хлѣба, такъ даже и самихъ колонистовъ изъ Россіи или изъ за границы моремъ въ то время — да и гораздо поздне — не было и рѣчи, и тѣхъ, которые бы вздумали предложить этотъ способъ подвоза людей и ихъ продовольствія, вѣроятно, въ Иркутскѣ сочли бы «недальновидными». Эта недальновидность вѣдь приписывалась, напримѣръ, Михаилу Васильевичу Петрашевскому († 1867 г.) за то, что онъ порицалъ стѣсненія хлѣбной торговли на иркутскомъ базарѣ. Еще съ большею откровенностью

въ ней обвинялись люди, имѣвшіе смѣлость смотрѣть не чужими глазами на амурское дѣло...

Какъ въ прошломъ году на Усть-Зеѣ, такъ теперь въ Хабаровѣ, парохода не оказалось, и я, давъ моей изнуренной командѣ отдыхъ въ два дня, приказалъ ей готовиться къ новому странствованію на бичевѣ, которое должно было простираться на 2,000 верстъ. Мы отплыли съ устья Усури послѣ полудня и вечеромъ остановились на ночлегъ у лѣваго берега Амура, еще въ виду Хехцыра, но уже верстахъ въ 25-ти отъ Хабаровки. На завтра начали мы проходить тѣ селенія, которыя, по выраженію кабаровскаго прикащика, строились на пескѣ. Превосходныя луговныя угоды плѣняли однако же самихъ переселенцевъ, и имъ большею частію въ голову не приходило, что дуга эти — поемныя и что первый большой разливъ Амура прогонитъ ихъ съ мѣстъ. Вода въ рѣкѣ была довольно высока и теперь, отъ дождей въ бассейнѣ Сунгари, а потому бичевникъ далеко не вездѣ былъ хорошъ. Зная, что пароходъ долженъ былъ идти изъ Николаевска въ Благовѣщенскъ, я приказывалъ не заходить въ мелкіе протоки, а идти главнымъ русломъ, чтобы не пропустить парохода; но какова-же была моя досада, когда однажды сидѣвшій на рулѣ казакъ не исполнилъ этого распоряженія, зашелъ вмѣсто Амура въ одинъ изъ его притоковъ, а когда мы, наконецъ, вернулись изъ него въ большую рѣку, то встрѣтившіеся мнѣ гольды объявили, что пароходъ тѣмъ временемъ прошелъ! Только тотъ, кто четыре мѣсяца шлепалъ по грязи, по камнямъ, подвергался свирѣпымъ укушеніямъ комаровъ и слѣпней, надѣялся отъ всего этого избавиться и вдругъ обманулся, — пойметъ отвратительное состояніе духа, въ которомъ я да и всѣ мои спутники находились. Но вотъ, мало по малу, на горизонтѣ, у лѣваго берега Амура, тамъ, гдѣ видѣлись струи дыма, очевидно изъ возникавшаго русскаго селенія, обрисовался корпусъ какагото судна, не амурской, т. е. не барочной конструкціи, и въ подзорную трубу я рассмотрѣлъ, что это пароходъ. О, радость!.. но совершенно напрасная. Пароходикъ этотъ былъ небольшой баркавъ «Надежда», везшій изъ Николаевска курьера, лейтенанта А. М. Линдена, но попортившій дорогою механизмъ и потому не могшій плыть далѣе. Вмѣсто полученія отъ Линдена помощи, приходилось помогать ему самому. «Надежду», по ея безнадѣж-

ному состоянію, отправили назадъ, внизъ по теченію, въ Николаевскъ, а милаго, образованнаго и симпатичнаго курьера я попросилъ пересѣсть въ мою лодку. Отъ этого, конечно, физически на ней стало тѣснѣе, но за то я оживился нравственно. Мы поплыли опять бичевою, т. е. способомъ, который Линденъ справедливо называлъ антидиллювіальнымъ и надъ которымъ, какъ океанскій плаватель, привыкшій дѣлать по десяти узловъ въ часъ, хохоталъ отъ души. Скоро мы прошли станицу Михайло-Семеновскую, которая на картахъ малаго масштаба представляется расположенною противу устья Сунгари, а на самомъ дѣлѣ отстоитъ отъ него на 17 верстъ. Я не безъ удовольствія замѣтилъ, что тутъ не дѣлалось и попытки строить какія-нибудь батареи для «командованія» сунгарійскимъ русломъ, тогда какъ, напримѣръ, въ Благовѣщенскѣ, Хабаровскѣ и Казакевичевой эти попытки имѣли мѣсто; въ двухъ послѣднихъ даже послѣ заключенія айгунскаго договора.

По мѣрѣ приближенія къ Хингану, мѣста становились живописнѣе и общій уровень равнины сдѣлался нѣсколько выше. Особенно превосходную мѣстность занимала большая станица Екатерино-Николаевская, расположенная среди группъ дубовыхъ деревьевъ, недалеко отъ выхода Амура изъ Хинганскихъ горъ. Эта станица-красавица получила свое имя въ память Е. Н. Муравьевой, супруги генералъ-губернатора, которая сопровождала его въ одну изъ экспедицій, вѣдается, въ 1855 году. Вообще замѣчу, что имена большей части спутниковъ и сотрудниковъ Н. Н. Муравьева увѣковѣчены имъ на Амурѣ въ названіяхъ разныхъ селеній. Нѣкоторымъ изъ этихъ сотрудниковъ, напримѣръ, Корсакову, Казакевичу, Буссе, «посвящены» даже по два и по три селенія. Мнѣ была сдѣлана честь наименованіемъ по моей фамилии одной станицы на Усури, довольно большой, имѣющей теперь церковь и даже школу.

Когда мы вступили въ ущелье Хингана, гдѣ оба берега Амура образованы крутыми, покрытыми лѣсомъ горами, то плаваніе наше сдѣлалось чрезвычайно труднымъ. Бичевнига не было и въ поминѣ; приходилось идти на веслахъ, а рѣка тутъ отличается особливо быстротою, тѣмъ большею въ данномъ случаѣ, что вода была большая, отъ дождей въ верховьяхъ рѣки. Такое путешествіе по 20—25 верстъ въ день способно было навести уныніе даже въ

присутствіи такого всегда хорошо-настроеннаго спутника, какъ А. М. Линденъ. Вдругъ, однажды на зарѣ, когда еще не вся команда проснулась, мы слышали шумъ пароходныхъ колесъ. Линденъ немедленно началъ кричать, подавать сигналы и, къ удовольствію нашему, насъ замѣтили. Черезъ пять минутъ мы были на палубѣ парохода, а черезъ часъ, когда находившіеся уже тамъ пассажиры проснулись, мы нашли среди ихъ очень пріятныхъ спутниковъ: архимандрита Аввакума, капитанъ-лейтенанта барона Шлиппенбаха, двухъ янки, Явоби и Эше, русскаго купца Ланина и нѣсколькихъ другихъ лицъ. Одно изъ нихъ представляло даже курьезъ, характеристическій для Амура. Это былъ офицеръ морскихъ инженеровъ, фамилію котораго я теперь забылъ, отличный строитель, но до такой степени поклонникъ Бахуса, что адмиралъ Казакевичъ долженъ былъ приставить къ нему боцмана, отвѣтственнаго если офицеръ напьется, и даже держать его на работахъ вдали отъ города Николаевска, день и ночь, чтобы онъ не имѣлъ возможности доставать водки. Не будемъ относиться съ уворомъ къ несчастному. Онъ не одинъ въ своемъ родѣ, и даже нынѣ нерѣдки случаи на Сахалинѣ, что офицеры спиваются, сходятъ съ ума, впадаютъ въ бѣлую горячку и т. п. отъ одиночества и монотонной жизни безъ всякаго развлеченія. Я не далѣе 1877 года читалъ въ Тифлисѣ письмо одного изъ сахалинцевъ, убѣждавшаго одного изъ бывшихъ своихъ корпусныхъ товарищей, теперь ставшаго вліятельнымъ лицомъ на Кавказѣ, «спасти» его отъ печальной участи умереть нравственно, а можетъ быть, и физически, въ сырой, холодной пустынѣ.... Петербургскіе рѣшители судебъ, засѣдающіе въ разныхъ канцеляріяхъ, всегда трезвые, изысканно-приличные, непрощающіе человѣческой природѣ ни одного недостатка, если онъ не ведетъ къ карьерѣ или фортунѣ, разумѣется, съ отвращеніемъ относятся въ такимъ «погибшимъ» людямъ, каковъ былъ нашъ инженеръ-морякъ; но въ провинціяхъ, особенно отдаленныхъ, люди болѣе гуманны. На пароходѣ называли одного благороднаго жителя Николаевска, который не отказался пожертвовать нѣсколькимистами рублей собственныхъ денегъ, чтобы дать возможность человѣку «падшему» вернуться на родину, и я бы не затруднился назвать этого жителя, если бы не зналъ, что такое оглашеніе сдѣланнаго имъ добраго дѣла будетъ ему не-

пріятно, тѣмъ болѣе, что онъ занимаетъ такой высокой постъ, что и безъ того ему приходится слышать немало похвалъ.

Не смотря на сильное теченіе рѣки, пароходъ «Амуръ» шель всетаки впятеро скорѣе, чѣмъ лодка, и вотъ мы скоро поравнялись съ избушкою натуралиста Радде. Этотъ почтенный дѣятель науки жилъ одиноко, съ двумя лишь казаками-охотниками, среди величавой и богатой природы Хингана, гдѣ собралъ, въ теченіе года, великолѣпную зоологическую и ботаническую коллекцію. Весною 1858 г., плывя на Усури, я посѣтилъ его и нашелъ на столько отвышимъ отъ удобствъ жизни, что онъ уже не могъ пить чая съ сахаромъ. Н. Н. Муравьевъ, нѣсколькими днями поздиѣе, также останавливался въ его хижинѣ и потомъ шутя рассказывалъ, что «Радде такъ влюбился въ природу, что просилъ меня остаться до слѣдующаго дня, чтобы видѣть, какъ будутъ выходить изъ яичекъ личинки какого-то *Scarabeus'a*».... Впрочемъ, почтенный натуралистъ былъ предметомъ не однѣхъ такихъ шутокъ, безобидныхъ или даже лестныхъ для его самолюбія, какъ ученаго. Были люди, въ родѣ г-на Б., которые, съ обычнымъ грубымъ натурамъ цинизмомъ, увѣряли, что «Радде зажилъ въ Хинганѣ потому, что тамъ много соболей, а онъ готовить приданое своей невѣстѣ».

Плывя на пароходѣ, мы уже далеко не всегда могли видѣть вблизи вновь возникающія по Амуру селенія; но во всякомъ случаѣ могли убѣдиться въ одномъ, а именно, что переселенцы не богаты. Съ трудомъ доставалъ пароходный поваръ свѣжую провизію, и нашъ столъ отличался спартанскою умѣренностью. За то мы были богаты по части напитковъ. На пароходѣ былъ грузъ *Cherry-cordial*, рому и хересу, и ежедневно вечеркомъ выносился на палубу ящикъ съ бутылками этихъ жидкостей, особенно первой. Баронъ Шлиппенбахъ предсѣдательствовалъ при ихъ опоражнваніи, которое, впрочемъ, не переходило за предѣлы простаго «одушевленія» путешественниковъ. Пѣли иногда пѣсни, даже духовныя, когда впадали въ умиленіе. За то архимандритъ Аввакумъ платилъ тамъ съ своей стороны любезностью, подтягивая по временамъ какому нибудь «шереметевскому псалму» (Вечеръ поздно изъ лѣсочку я коровъ гнала домой...). Дѣло отъ этихъ развлеченій не теряло, и я, напримѣръ, успѣлъ въ быт-

ность на пароходѣ перечертить на-бѣло всю мою съему долины Усури, которой оригиналь мнѣ хотѣлось сохранить за собою.

Въ Благовѣщенскѣ—долой съ парохода: онъ дальше не шель, потому что требовалъ непременно 8-ми футовой глубины, а въ осеннюю малую воду Амуръ, мѣстами, между Албазиномъ и Кумарою, имѣеть меньшую глубину... Кстати! Когда же Усть-Зейская станица обратилась въ Благовѣщенскъ? Этого я доселѣ еще не сказалъ, и мнѣ не случалось читать о томъ гдѣ бы ни было. Превращеніе совершилось весною 1858 г., между временемъ прибытія генераль-губернатора на Усть-Зею и временемъ отплытія его въ Айгуну, кажется—12-го мая. Оно, впрочемъ, было чисто фиктивнымъ. Устроили мачту, подняли на нее огромный флагъ, который больше походилъ на англійскій, чѣмъ на русскій, отслушали при этомъ небольшой молебень, который служилъ пресвященный Иннокентій, теперешній митрополитъ московскій, и Усть-Зейская станица произведена была въ городъ Благовѣщенскъ. Въ послѣдствіи для приданія городу менѣе военнаго характера перевели изъ него казаковъ на 8 верстѣ вверхъ по Амуру, т. е. въ сосѣдство того мѣста, гдѣ въ 1857 г. стояли казачій постъ и генераль-губернаторская палатка. А въ частности на мѣстѣ послѣдней усть-зейцы уже въ 1858 г. поставили небольшой памятникъ.

И такъ, многочисленному нашему пароходному обществу пришлось пересѣсть на барказъ, который тянули бичевою мой казаки и многочисленные матросы Шлиппенбаха, возвращавшіеся черезъ Сибирь на родину. Кажется, это была команда корвета «Оливуцы» или «Авроры»—не помню ужъ теперь, какого судна,—но бравая команда, которой могло бы быть нѣсколько оскорбительно послѣ океанскихъ плаваній ходить на бичевѣ. Для насъ, пассажировъ, жизнь на барказѣ была отчасти продолженіемъ пароходной, только съ меньшими удобствами и съ гораздо большими издержками. Въ теченіе одиннадцати дней мы, въ числѣ семи человекъ державшіе общій столъ изъ двухъ блюдовъ, израсходовали 287 рублей, т. е. по 41-му рублю съ человекъ, что даетъ 3 р. 75 к. въ день! Были случаи, что за барана платилось жителямъ селеній, водворенныхъ въ 1857 году, одиннадцать рублей; за два хлѣба, вѣсомъ фунтовъ въ пять каждый, за бутылку молока и десятокъ яицъ—5 руб., и т. п. Да и за эти деньги провизія доставалась съ трудомъ, по-

тому что колонисты сами не имѣли почти ничего и опасались на зиму голода. Отпускъ казеннаго хлѣба вѣдь имъ прекратился, а собственные сборы съ немногихъ обработанныхъ и засѣянныхъ весною полей едва-едва были достаточны, чтобы прокормиться до слѣдующей жатвы... Утѣшеніемъ въ этихъ экономическихъ невзгодахъ служила намъ только возможность ночью спать во всю длину тѣла на барказномъ помостѣ, а днемъ на немъ же стоять во весь ростъ. Но и барказъ скоро пришлось бросить, потому что тащить его было очень тяжело. Около Буринды мы встрѣтили сплавъ лодокъ, отобрали ихъ, распредѣлили между собою и потянулись вразбродъ. Моимъ бѣднымъ казакамъ пришлось особенно жутко. Лодчонка намъ досталась прескверная, тѣсная, такъ что пока одна смѣна шла на бичевѣ, другая должна была сидѣть, а не лежать. Дни были короткіе (октябрь), ночи холодныя; скоро по утрамъ стали появляться ледяные забереги и рѣзали ноги. Согнувшись сидѣлъ я подъ своимъ лубочнымъ навѣсомъ, дописывая отчетъ объ усурійской экспедиціи и обдумывая, когда и какъ, по слачѣ его, доставить меня въ Москву желанная тройка...

14-го октября прошли мы мимо Усть-Стрѣлки: прощай, Амуръ!

26-го октября я былъ въ Иркутскѣ и, заплативъ 25 рублей писарю за перебѣлку отчета (дароваго штабнаго писца мнѣ не дали), сдалъ его.

3-го января 1859 г. я сѣлъ въ повозку: прощай, Восточная Сибирь!

А 23-го февраля 1859 г. генераль-квартирмейстеръ, баронъ В. К. Ливенъ, ознакомившійся съ моимъ отчетомъ, объявилъ мнѣ, что я назначаюсь начальникомъ развѣдочной экспедиціи, которая по высочайшему повелѣнію послалась на Чу, къ предѣламъ Кокана.

М. И. Венюковъ.

Женева, сентябрь 1878 г.